

УДК [39:37]:82-32Волков Г.Н.

Ю. М. Артемьев

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАЗНОСТЬ КАК СРЕДСТВО И ФОРМА
РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОЗРЕНИЙ (ПЕРЕЧИТЫВАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОПЫТЫ Г. Н. ВОЛКОВА)**

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ нескольких литературно-художественных произведений основателя этнопедагогике Г. Н. Волкова с точки зрения стиля и наиболее характерных элементов поэтики. Функциональный литературоведческий подход позволил автору статьи прийти к выводу, что этическое в сказках и рассказах Г. Волкова выражено как доминантное начало. Вместе с тем их содержание пронизывает идея о прекрасном в природе и человеческих взаимоотношениях. В лучших своих произведениях автор изображает персонажей, красивых делами и поступками, стремящихся к идеалу.

Ключевые слова: *конфликт, образ, традиция, этнопедагогика.*

Актуальность исследуемой проблемы. Идеи, реализованные Г. Н. Волковым во многих литературно-художественных произведениях, органично дополняют и расширяют концептуальные обобщения и постулаты, составляющие сердцевину его этнопедагогического наследия. В этих миниатюрах он кистью настоящего мастера слова использовал притчевые и аллегорические формы. Перечитывая их заново, сегодня вновь и вновь убеждаешься, что умело использованное педагогом художественное слово несло в себе необычайно мощный и действенный воспитательный заряд энергии. Автор постоянно подчеркивал важность «формы передачи теории». Полемиически заостряя свою мысль, он писал: «Песталоцци, Шацкий, Корчак – публицисты и эссеисты... Коменский и Ушинский – философы, помнящие о чистой академической теории, отдающие дань этой форме,

© Артемьев Ю. М., 2017

Артемьев Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: molnieva@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 06.03.2017

но в то же время выражающие конкретные педагогические идеи высокохудожественными очерками и рассказами... Писатели высокого класса» [7]. Афористичность, меткие выражения, образное слово, по мнению ученого, не менее важны и в «теоретических положениях фундаментальных педагогических исследований». «Образное выражение педагогических идей во многих трудах Сухомлинского является, по сути дела, результатом возврата мысли от абстрактного к конкретному» [7]. Кроме этого, автор сказок высоко ценил живое слово, литературно-художественное творчество, волшебными средствами преобразующее душу человека. Он отмечает, что мощный воспитательный заряд несет в себе творческое наследие выдающегося чувашского поэта М. Сеспеля: «...умел рассматривать в тесном единстве педагогическую, культурно-просветительскую и политическую работу» [4, с. 142]. Г. Н. Волков регулярно выступал в печати с литературно-критическими публикациями [2], [3], [5], [6].

К сожалению, многие прозаические опыты Г. Волкова в свое время не стали предметом объективного и беспристрастного анализа и оценки со стороны представителей литературно-критического цеха. Скорее как исключение можно отметить рецензию, соавторы которой явно преследовали цель выявить в его произведениях мнимые идейные ошибки и факты отклонения от курса партии в вопросах межнациональных отношений. Тот очевидный факт, что вопросы диалога национальных культур и языков сегодня привлекают к себе пристальное внимание, обусловил актуальность предлагаемой статьи.

Материал и методика исследований. Материалом исследования стали выборочно взятые сказки и прозаические произведения Г. Волкова, изданные в сборнике под названием «Дуб и солнце». В статье использованы принципы функционального подхода, а также герменевтические приемы и инструменты интерпретации текста.

Результаты исследований и их обсуждение. В аннотации к первому изданию вышеназванного сборника Г. Н. Волков, обращаясь к читателю, подчеркивал: «Настоящая книга рассказывает о братстве и дружбе, светлых душевных порывах и мужестве. Вошедшие в книгу произведения призывают к смелости и честности, они прославляют самоотверженный и благородный поступок. Для того чтобы глубже раскрыть жизнь души простого труженика, автор в свою книгу включил и распространенные в народе сказки, придав им современное звучание» [11]. Действительно, подавляющее большинство сказок сборника представлено в творчески переработанном виде (по фольклорным мотивам) и несут на себе печать индивидуального, авторского стиля. Близость творческих исканий автора сборника народным сказкам наблюдается прежде всего в понимании нравственных задач и воспитательной силы жанра. Крупнейший чувашский историк и фольклорист Н. В. Никольский подчеркивал: «Сказки, как и другие произведения устных жанров, являются важным подспорьем при изучении истории народа, а также быта и психологии» [10, с. 83].

Поскольку первое издание сборника увидело свет еще в середине семидесятых годов прошлого столетия, можно утверждать, что сказки и рассказы были написаны автором в разгар того периода, когда он развернул неравную борьбу с окостеневшими, идеологически зашоренными представителями партийной номенклатуры за полное признание и возвращение научно-педагогического наследия патриарха чувашской культуры И. Я. Яковлева, хотя интерес к литературно-художественному повествованию у Г. Волкова возник гораздо раньше, о чем свидетельствует изданный им сборник рассказов и сказок для детей и юношества [8]. Нетрудно заметить, что нравоучительный пафос и воспитательная заряженность идейно-эмоционального содержания не только сказок, но и про-

заических повествовательных миниатюр данного сборника как типологически, так и функционально очень близки к небольшим зарисовкам и назидательным притчам И. Я. Яковлева, нашедшим место в первом чувашском букваре и книгах для чтения. Г. Волков, как и просветитель чувашского народа, озабочен тем, чтобы современная учебно-воспитательная работа не прерывала связи с корнями народной педагогики. Он использует доступный для широкого круга читателей стиль, идя от простого к сложному: сказки и притчи призваны развивать у маленьких наблюдательность, любознательность, раскрывать перед ними те или иные стороны социально-бытовой и общественной жизни, объяснять суть и тайны природных явлений. При этом повествователь преследовал архиважную для будущего всей многонациональной страны цель – печатным словом содействовать интернациональному воспитанию юных граждан, напоминая им в то же время о том, что надо как зеницу ока беречь малую родину, любить и защищать земли предков, добрые тысячелетние традиции народа.

Тонкий диалектик Г. Волков в те непростые времена, когда в официальной печати приоритетными признавались не поиски национальной идеи и изучение ментальных особенностей разных этносов, а декларации и пережевывание набившей оскомину «истины» о сближении наций, формировании единого советского народа и т. д., неустанно повторял, нередко рискуя попасть под огонь недалеовидных оппонентов, бесспорную истину о том, что только подлинный патриот способен быть настоящим интернационалистом. Не случайно тема любви к Родине, уважительного отношения к земле предков, материнскому языку лежит в основе многих сказок и рассказов данного сборника.

В предельно заостренной форме выражена патриотическая идея в сказках «Золотая земля», «Красивые узоры – таинственные знаки отчей земли», «Родительский очаг» и др. «Нет во всем мире ничего дороже родного уголка, родной земли, родного народа» – в этой ключевой фразе концентрированно выражены идейно-эмоциональная тональность и глубинный смысл первой сказки. Ее сюжет более чем прост: тысячу, а то и более, лет назад прибывшие в чувашские края для налаживания дружеских связей чужеземцы с удивлением узнают об одном загадочном национальном обычае. Осмотрев все достопримечательности, щедро одаренные дорогими подарками, обласканные вниманием и дружественными чувствами гостеприимных хозяев гости наконец собираются на берегу Волги. Каково было удивление путешественников, когда их перед посадкой на баркас попросили снять обувь, с тем чтобы ее тщательно, не спеша вытереть до единой пылинки. Провожжающие хозяева спешат объяснить загадочный смысл древнего обычая: «Вы своими глазами увидели неопишимо прекрасную и обильную Родину чуваш, краше которой нигде нет. Для нас дороже этой земли нигде больше не существует... Поэтому, не обессудьте, мы бережем даже невидимую пылинку, от потери которой убавилась бы земля, которую сохранили для нас наши предки. Если мы и доставили вам некоторые неудобства, то это, поверьте, не наши капризы, а веление обычая, сила которого выше нас... Мы вам желаем здоровья! Благополучного возвращения на родину...» [12, с. 9–10].

Автор сказки мастерски использует прием, известный в этнопедагогике: сказанное дочери пусть услышит сноха. Дстойно и максимально уважительно вести себя по отношению к гостям – важное требование национального этикета, но сверхзадача повествователя нацелена прежде всего на внутреннюю жизнь (бытие) духа этноса, т. е. на воздействие на умы и сердца юных современников, подрастающего поколения. Ведь именно они обязаны научиться любить и бережно хранить природу и богатства родной земли так, как это делают мудрые старцы, взрослое поколение. Причем без многословных поучений,

въедливого назидания, просто глядя на поведение, действия, поступки старших. К тому же нельзя забывать и о том, что в глубине веков, в бесписьменные времена сказки являлись мощным духовным этнопедагогическим ресурсом: в них пример для подражания, осуждение зла и разных пороков, контрастное противопоставление прекрасного и уродливого, мужества и трусости и т. д.

Сегодня, перечитывая отдельные критические публикации оппонентов Г. Волкова, отчетливо понимаешь, что преданный и любящий сын своего народа, придерживаясь позиции своего рода апологета материнского языка, постоянно шел на грани риска. Его душу терзали проблемы развития и будущего национальной культуры, языка, в то время как его оппоненты постоянно жонглировали распространенными образцами идеологического штампа типа «в нашей стране расцвет и сближение наций является объективным процессом», «непрерывно идет укрепление межнациональных связей» и т. п.

В качестве примера можно привести рецензию на первое издание сборника сказок и рассказов Г. Волкова «Дуб и солнце». Авторы – доктор исторических наук И. Д. Кузнецов и народный писатель Чувашии Л. Я. Агаков – свою рецензию озаглавили «Идущий по ложному пути». О каких же ошибках и промахах ведут речь официозные критики известного педагога и литератора? По их убеждению, Г. Волков как в упомянутой сказке, так и во многих других произведениях сборника занимается «идеализацией чувашской старины», «поисками “золотого века” в истории угнетенного в прошлом чувашского народа», «абсолютизацией нации». Обвиняя автора сборника во всех грехах, они заявляют о полном отсутствии классового подхода в изображении социально-культурных и бытовых реалий действительности. В той же сказке о «золотой» пылинке искажение исторической правды ими видится в следующем: «От прочитанного может складываться впечатление, что в старину социальная прослойка прислуг жила спокойной и счастливой жизнью. Как будто они не страдали от угнетений и неравенства, не знали проявлений социальных противоречий. Чему может научить эта сказка? Может быть, автор хочет сказать читателю, что и в сегодняшней жизни ни одна пылинка не должна уходить за пределы чувашской земли?» [9]. Беда в том, что критерии, которыми оперируют критики, позаимствованы из арсенала вульгарных социологов 30-х гг. прошлого века. Словно они и не понимают, что перед ними литературно-художественное сочинение, а не политический трактат или статья. Их не интересуют ни художественные достоинства произведения, ни особенности авторского стиля, ни специфические жанровые поиски автора. Ведь, по существу, используя художественную форму, повествователь Г. Волков во главу угла ставит воспитательную задачу; аудиторию его читателей в данном случае составляют как дети, так и взрослые. При честном, профессиональном взгляде на вещи критики могли бы найти в произведении не мнимые, а реально имеющие место отдельные недостатки. Так, например, доминирование этико-педагогического начала в сказочной форме повествования не всегда позволяет автору добиваться пластического решения задач художественного образотворчества. При чтении сказок можно заметить, что автора мало заботят такие обязательные для чисто художественного произведения элементы, как индивидуализация речи персонажей, соразмерность композиционных частей, развернутый психологический конфликт и др. К тому же события излагаются, как правило, в форме описания, а не отображения. С учетом жанрового своеобразия сказок вряд ли отмеченное выше безоговорочно можно отнести к числу недостатков. Дело в том, что Г. Волков и в своих литературно-художественных произведениях не перестает быть педагогом, прежде всего ставя задачу воспитания, формирования гармонически развитой личности. Поэтому каждое произве-

дение, включенное в сборник, – это образец подтверждения того, какими богатыми этическими, наряду с эстетическими, ресурсами обладает искусство слова. Причем этическое содержание проецировано автором в прошлое, он ищет живые, сохраненные в народных традициях и обычаях прочные нити, благодаря которым осуществляется связь времен.

Глубоким драматизмом наполнено, к примеру, содержание сказки «Красивые узоры – таинственные знаки отчей земли». Трудно без слез наблюдать эту психологически напряженную мизансцену. Солдата, который провел на службе царю и отечеству четверть века и вернулся в отчий дом, потеряв здоровье, родственники не узнают и подвергают достаточно жесткому испытанию: действительно ли он тот, за кого себя выдает, и сохранил ли тот золотой запас знаний, обычаев, предписаний, не забыл ли требований этикета, слов благословения, клятвы и т. д., которые с младых ногтей вкладываются в душу каждого члена чувашского этноса. Многие стерлось из памяти многострадального «странника», его ответы чаще отрывочны, неполны. Со слезами на глазах он напряженно воскрешает в душе колыбельную, песни нима, о родной земле, «Алран кайми...». Испытанию нет конца, чаша весов клонится то в одну, то в другую сторону: голос крови не дремлет в родных и близких, но и сомнения полностью не рассеиваются. Наконец, словно утопающий, хватающийся за соломинку, бедняга вспоминает о кисете, который носил он в рюкзаке двадцать пять лет. Этот талисман, изготовленный умелыми руками сестер и матери и полученный от них со словами благословения и напутствия, предопределяет счастливую развязку.

Не оставили без внимания упомянутые критики и эту сказку. Правда, уделили ей всего лишь одно предложение, но допустили в нем три фактические ошибки. Здесь, видимо, сказались наработанные десятилетиями навыки писать разгромные статьи и рецензии, не читая произведение, но ловко орудуя жупелом классовости и партийности. «В одном рассказе солдата, двенадцать лет тянувшего ляжку и слегка подзабывшего чувашскую речь, упрекают со словами: “Ты не настоящий чуваш, не наш”» [9]. Во-первых, рецензенты, легкоवेशно жонглируя жанровыми определениями, сказку называют рассказом. Во-вторых, автор сказки черным по белому пишет, что многострадальный солдат двенадцать лет прослужил в мирное время, столько же проливал кровь на поле брани. Значит, в два раза дольше, чем указывают рецензенты, прожил вдали от родных мест. И, наконец, третья нелепица. Автор сказки мыслит гораздо глубже своих оппонентов и говорит не просто о забвении солдатом «родной речи», а совсем о другом: оказывается, он не вздохнул глубоко, выдержав паузу, в середине двухчастного слова благопожелания путнику. Казалось бы, ничего не значащая мелочь, но в сокровищнице многовековых традиционных ценностей ничего случайного нет.

Прежде всего бросается в глаза то, что соавторы гневных филиппик не пытаются (или не способны) вступить в диалог с сочинителем великолепных поучительно-притчевых, насыщенных афоризмами произведений, и они словно говорят на разных языках. Автор сказок поражает уникальными, энциклопедически полными знаниями обычаев, обрядов, праздничных и повседневных бытовых ритуалов, пословиц, поговорок, мудрых изречений, клятвенных и благословенных слов, песен – гимнических, радости, печали и т. д. Каждая строчка выдает наполненность души автора любовью ко всему чувашскому, пронзительной болью, надеждой, чувством сопричастности к происходящему. Обидно до боли становится при мысли о том, что человек, обладавший разносторонним талантом, сыновним чувством любивший свой народ, культуру, язык, тогда не имел ни единого шанса публично опровергать профессионально беспомощные и ложные обвине-

ния оппонентов, так как последние выполняли поручение высших партийных инстанций. А недремлющее око цензуры, органы печати, руководство творческих организаций зорко следили и пресекали малейшие отклонения от линии партии.

Объективности ради все же надо отметить, что во второй половине 70-х гг. XX в., когда имя этнопедагога стало широко известным, а его новаторские исследования получили признание и за пределами нашей страны, критический пыл наших зоилов поугас, хотя местная цензура по-прежнему настороженно следила за публикациями возмутителя спокойствия. Монографии, книги и статьи Г. Волкова печатались уже регулярно и в Чувашском книжном издательстве. Но идеологически бдительная официозная критика теперь вынуждена была в лучшем случае довольствоваться замалчиванием публикаций, которые раздражали ее и вынуждали молча признавать свои слабости и ошибки.

В 1979 г., сразу же после выхода книги «Созвездия земли», я, сильно уставший от унылой тишины вокруг имени ее автора, написал пространную рецензию под названием «Спешите делать добрые дела!» (Ырă ёĕсем тума васкăр!) и отнес в редакцию газеты «Коммунизм ялавĕ». Пролежав полгода в портфеле редакции, мой опус все же увидел свет, но в трудно узнаваемом виде и под плоским названием «Тĕп тема – коммунизма воспитани» [1]. В моем варианте названия рецензии сосуществовали идеи и русского поэта А. Я. Яшина, и В. А. Сухомлинского о смысле жизни и добре. Оно, как девиз, нацеливало на суть содержания всей книги. Появление рецензии Г. Волков оценил ни много ни мало как некое событие, и это с лихвой компенсировало те потери, которые неизбежны были при прохождении через рогатки цензуры.

В лучших своих рассказах Г. Волков ищет прямые пути к сердцам юных читателей. Центральным персонажем ряда произведений выступает просветитель И. Я. Яковлев, а его идеи и проекты полны актуального современного смысла.

Резюме. Творческие опыты Г. Волкова неразрывно связаны с его фундаментальными этнопедагогическими исследованиями и являются важной составляющей его незаменимого вклада в развитие духовной культуры чувашского народа. Сила эмоционально-психологического воздействия его творческих созданий таится в редко встречающемся органическом сплаве этического и эстетического начал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемов Ю. М.* Тĕп тема – коммунизма воспитани // *Коммунизм ялавĕ.* – 1980. – Апрель 10-мĕшĕ.
2. *Волков Г. Н.* Большой друг детей // *А. Талвир. Аньяр. Рассказы.* – М. : Детская литература, 1972. – С. 3–4.
3. *Волков Г. Н.* Певец моря // *Литература и жизнь.* – 1958. – 24 сентября.
4. *Волков Г. Н.* Педагогические идеи в творческом наследии Сеспеля // *Основоположник чувашской советской поэзии. Ученые записки.* Вып. 51. – Чебоксары, 1971. – С. 137–144.
5. *Волков Г. Н.* Предислови // *В. А. Сухомлинский. Манăн анне чи хитри. Калавсемпе юмахсем.* – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1980. – С. 2–3.
6. *Волков Г. Н.* Предисловие // *Родники Шупашкара. Произведения чувашских писателей.* – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1983. – С. 5–7.
7. *Волков Г. Н.* Созвездия земли. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1979. – 44 с.
8. *Волков Г. Н.* Шăллăмсемпе йăмăксене. Калавсемпе юмахсем. – Шупашкар : Чăвашиздат, 1963. – 48 с.
9. *Кузнецов И. Д., Агаков Л. Я.* Чăнлăхран пăрăнсан // *Коммунизм ялавĕ.* – 1975. – Декабрь 23-мĕшĕ.
10. *Никольский Н. В.* Ёлĕкхи чăваш халăх юмахĕсем çинчен // *Кил.* – 2008. – № 3. – С. 83–88.
11. *Хуначи Каикăр.* Юманпа хĕвел. Юмахсем, калавсем, очерксем. – Иккĕмĕш тўрлетнĕ кăларăм. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1975. – 175 с.
12. *Хуначи Каикăр.* Юманпа хĕвел. Юмахсем, калавсем, очерксем. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1975. – 128 с.

UDC [39:37]:82-32Волков Г.Н.

Yu. M. Artemyev

**ARTISTIC IMAGINATION AS A MEANS AND FORM OF IMPLEMENTATION
OF ETHNOPEDAGOGICAL INSIGHTS
(RE-CONSIDERING THE LITERARY AND ARTISTIC WORKS OF G. N. VOLKOV)**

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article considers the analysis of some literary and artistic works of the founder of ethnopedagogics, G. N. Volkov, in terms of style and most characteristic elements of poetics. Functional literary approach allowed the author to conclude that the ethical principle is expressed in fairy tales and stories by G. N. Volkov as a dominant feature in his works. G. N. Volkov's works also contain the idea of the beautiful in nature and human relations. In the best of his works the author depicts the characters striving for the ideal.

Keywords: *conflict, character, tradition, ethnopedagogics.*

REFERENCES

1. *Artem'ev Ju. M.* Těp tema – kommunizmla vospitani // *Kommunizm jalavě.* – 1980. – Aprelěn 10-měshě.
2. *Volkov G. N.* Bol'shoj drug detej // *A. Talvir. An''jar. Rassказы.* – M. : Detskaja literatura, 1972. – S. 3–4.
3. *Volkov G. N.* Pevec morja // *Literatura i zhizn'.* – 1958. – 24 sentjabrja.
4. *Volkov G. N.* Pedagogicheskie idei v tvorcheskom nasledii Sespelja // *Osnovopolozhnik chuvashskoj so-vetskoj poezii. Uchenye zapiski.* Vyp. 51. – Cheboksary, 1971. – S. 137–144.
5. *Volkov G. N.* Predislovi // *V. A. Suhomlinskij. Manān anne chi hitri. Kalavsempe jumahsem.* – Shupashkar : Chāvash kēneke izdatel'stvi, 1980. – S. 2–3.
6. *Volkov G. N.* Predislovie // *Rodniki Shupashkara. Proizvedenija chuvashskih pisatelej.* – Voronezh : Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. – S. 5–7.
7. *Volkov G. N.* Sozvezdija zemli. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1979. – 44 s.
8. *Volkov G. N.* Shāllāmsenpe jāmaksene. Kalavsempe jumahsem. – Shupashkar : Chāvashizdat, 1963. – 48 s.
9. *Kuznecov I. D., Agakov L. Ja.* Chānlāhran pārānsan // *Kommunizm jalavě.* – 1975. – Dekabrěn 23-měshě.
10. *Nikol'skij N. V.* Ėlėkhi chāvash halāh jumahēsem çinchen // *Kil.* – 2008. – № 3. – S. 83–88.
11. *Hunachi Kashkār.* Jumanpa hēvel. Jumahsem, kalavsem, ocherksem. – Ikkēmēsh tŷrletnē kālarām. – Shupashkar : Chāvash kēneke izdatel'stvi, 1975. – 175 s.
12. *Hunachi Kashkār.* Jumanpa hēvel. Jumahsem, kalavsem, ocherksem. – Shupashkar : Chāvash kēneke izdatel'stvi, 1975. – 128 s.

© Artemyev Yu. M., 2017

Artemyev, Yury Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: molnieva@rambler.ru

The article was contributed on March 06, 2017